

FAQ: Эрратическая семантика

7 фактов о нарочном искажении слов и выражений
НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

14.08.2013

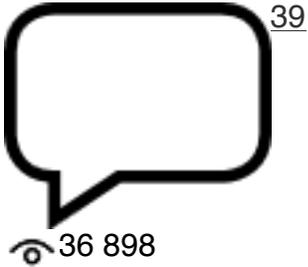

Фото: Lvovsky

Мода на эрративы возникла внезапно и довольно быстро сошла на нет. Вопрос, почему она появилась, не очень простой. Возможно, ответ на него связан с тем, что несколько поколений людей, которых мы бы на современном жаргоне назвали «пользователями языка», привыкли к постоянным указаниям, как надо. У этого тотального диригизма есть обратная сторона.

1

Огромная масса простых носителей языка выталкивается в маргиналы. Их узус не уважают. Как человек сопротивлялся этому? В моей юности, например, да и до сих пор, мы с некоторыми друзьями говорили и говорим «килОметры» вместо «киломЕтры», «магАзин» вместо «магазИн», прекрасно зная, что это неправильно. И это не игра под простонародный выговор, а заявление права на диглоссию. Мы знаем, что есть правила языка, и эти правила надо соблюдать. Но в какой-то момент оказывается, что человеку удобнее или нужнее – цели могут быть самые разные: это могут быть цели сокращения, или цель создать произведение словесное, которое понятно вам и мне, – так вот удобнее и нужнее, правильнее, иначе говоря, совершенно сознательно исказить норму.

Эрратическая семантика

Филолог Гасан Гусейнов об играх в языке, применении эрративов и эсхрофемизмах

Более того, выясняется, что когда мы искажаем эту норму, то внутри этого искажения мы начинаем соблюдать новую норму – норму искажения. Например, тот, кто пишет «аффтaр» с одним «ф», совершает грубую ошибку. Потому что законы эрратива требуют, чтобы «аффтaр» был с двумя «ф» и двумя «a». «Жжот» можно написать только через два «ж» и «o», никак иначе. И выясняется, что эрратив в своей основе – это просто другая система правильности, другая норма, которая существует параллельно обычной. Но она и не просто вывернута наизнанку, а почти зеркальна, или хиральна. Отличается такое написание от ошибочного тем, что человек, владеющий эрративом, должен владеть и обычной нормой.

Дедова, О. В. Антиорфография в Рунете / О. В. Дедова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III международный конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы. – М., 2007. – С. 342–343.

2

Ситуация, в которой человек учит две системы написания, напоминает старый анекдот про пастуха, у которого спрашивают: «Как же вы считаете своих овец: они же бегут, вот эта шерсть – волнующееся море». Он говорит: «Да ну что вы, я никогда и не считаю по головам! Я считаю ноги и делю на 4». Это вот и есть эрратическое написание. Когда человек, нарочито искажая норму и сам для себя, и для своего читателя, на заднем плане держит правильное написание, нормативное. Почему он это делает — более сложный вопрос. Это делают почти все люди, и, конечно, это стало модным, потому что интернет-коммуникации обеспечивают людей непрерывным обменом письменными сообщениями. Люди пишут очень много, но все, что они пишут, несмотря на то, что пишут они пальцами, они одновременно проговаривают. Это моментальное письменное выражение устного узуса, устной практики. И вот в этом сочетании устности и письменности возникает потребность в новой форме, которая держит одной рукой старую норму, а другой рукой – потребности в нашей коммуникации нынешней.

Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М., Изд-во АСТ, 2013.

3

С 2006 по 2010 год существовала мода на эрративы, и связано это еще и с тем, что выросло поколение, которому сама идея предписывания, в общем, чужда. Люди старшего поколения не так охотно играли в эти игры, потому что сильна привычка «нам скажут, как нам писать». А продвинутые молодые люди не любят, когда им так говорят, и начинают вырабатывать какую-то собственную практику написания. Не все, конечно. Среди молодых ведь не меньше внутренних полицейских, как и среди бабок, судачивших у подъездов моей юности: эти всегда знали, как кому надо жить и говорить. Недостаток всякого эрратива: когда его становится много, он прискучивает. А попытки писать целые литературные произведения с применением этого языка ускоряют расставание с модой.

Вместе с тем сильным стимулом для эрративного хулиганства остается всевластие формально правильной, но, по сути, выхолощенной, деревянной, казенной речи. Кто-то тычет тебе в нос этой формальной правильностью, но язык — это далеко не только грамматика и правильное склонение/спряжение, это — предложение, смысл, содержание высказывания. Что делать, если формально правильным языком в мир на твоём языке несут банальный вздор, бегут с вилами прописных истин наперевес? И не захочешь — заголосишь этими самыми эрративами.

Правда, теоретик и историк языка нас бы поправил: а разве весь язык, само его постоянное движение – не постепенное узаконивание вчерашних грубых ошибок? Разве русский лобзик – это не эрратив немецкого слова «лаубзэге»? Разве вся наука этимология – не об истории иногда нарочитых искажений?

Lieberman, Anatoly. Word Origins And How We Know Them. Oxford UP, 2009.

4

Исторических примеров эрративов очень много. Их надо видеть в более широком контексте. Э.Т.А. Гофман играет с немецкими словами, записывая их греческими буквами. Это получается смешно. Или язык футуристов, наших бюджетлян, которые просто создавали новые слова. Именно внутри футуристической эстетики возникает интереснейшее явление – теория так называемого [остранения](#), которая строится на неправильном написании слова «остраннение» у Виктора Шкловского. Или, наоборот, через странное – новый взгляд на привычное. В этом слове «остранение» — должна быть одна «н», а сама теория остранения, как бы ее ни переводили на другие языки, эту эрративную сущность, нарочитую неправильность в своем главном концептуальном слове не видит.

[Язык как инструмент эволюции](#)

Лингвист Ирина Левонтина об ускорении изменений в языке, проявлении стереотипов и неологизмах

Надо сказать, что сам русский язык, само русское письмо является воплощением творческой идеи эрратива, вот и наша азбука составлена из греческих и еврейских букв. Игра, начатая Кириллом и Мефодием, идет все время. Само слово «грамота», которым мы пользуемся, является эрративом: «гра-мо-та». По-эстонски «раамат» — книга, от греческой «граммы» — буквы. Так что такое наше слово? Поэтому смешной эрратив «грамматный» — это прямо-таки гиперкоррекция «неграмотного» слова «грамотный». Так через эрратив восстанавливается исторический корень.

А новые потешные русские буквы-контаминаты – [пц](#), которую, говорят, придумал Леонид Каганов, «[ха краткая](#)«, «ц краткая» (для обозначения универмага на Цветном бульваре, «б» с тремами? В большинстве случаев этот мелкий вздор кажется дымом без огня или, так сказать, быстро прогорающей стерней. Но кто знает, может быть, через несколько лет появятся издания русской азбуки, в которой будет место и для этих буквенных шуток? Революция изобразительного, или визуальности, создает новые предпосылки для самого взгляда на букву, письмо, печать как явления искусства. Конфликт нескольких знаковых систем многие фиксируют как нарочитое нарушение существующих правил, [хулиганское эрративное поведение](#). Но мы твердо знаем, что нас ждет в будущем: появление новой породы людей, которые будут уметь быстрее переходить с кода на код и смешивать коды в своей повседневной практике.

Farago, Claire J; Zwijnenberg, Robert (eds.). *Compelling visuality: the work of art in and out of history*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2003.

5

В какой мере то, что происходило в эти годы и продолжает происходить на наших глазах, связано с заимствованиями из английского языка? Молодые носители русского языка повторяют в некотором смысле и тот путь, которым английский язык шел на протяжении столетия. Усваивает огромное количество иноязычных слов, в том числе в написании латинскими буквами, и эти слова, и сами способы описания переводят на русский язык. Одновременно происходит сокращение привычных форм высказывания. Иногда мы видим, как человек пишет цифру вместо буквы (4 вместо «ч», например, или 7 вместо «с»): по-русски это выглядит непонятно, зачем делать так, если «с» выполняет ту же функцию. Но и здесь вступает игровая сущность языка. Человек играет языком и хочет это делать. Остановить этот процесс невозможно. Его нужно изучать. Тут есть и политическое измерение. Вот норвежский исследователь [Мартин Паулсен](#) изучает, как влияют на язык переходы с латиницы на кириллицу и обратно. А знаменитый «[лытдыбр](#)«, который придумал пионер рунета Роман Лейбов, «играя» с кодировками? Это – пульсация новой реальности, в которой совсем скоро предстоит жить языку, подбирающему гардероб по погоде, в новых технических условиях, или, как выразился бы кто-то, беря новые опции там, где их только можно найти.

6

Одно из специфических свойств современных носителей русского языка, людей, говорящих по-русски, — это склонность к эсхрофемизмам или суеверный страх перед эсхрофемизмами. Сигнал, заставляющий за невинным словом слышать грубое, ругательное, матерное слово. Почему больше не говорят «я кончил школу»? Нет, «окончил школу», «закончил школу», да

потому что этот глагол имеет, оказывается, непристойный подтекст, и вот как бы чего не подумали. Вот это и есть проявление эсхрофемизма. Боятся сказать «последний» или «крайний». Эсхрофемизм – это изнанка эвфемизма. Сначала вместо запретного слова появится «блин», а потом придется запрещать глагол «блеять». Эту пунктирно намеченную схему нужно все время помнить, чтобы не превратить нынешнее поколение школьников да и взрослых носителей языка в малограмотных неврастеников, для которых живая речь, чтение и письмо становятся передвижением по минному полю.

Вайнрих Х. [Лингвистика лжи](#) // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, 1987.

7

Что же дальше? Не станет ли так, что все носители языка станут говорить эрративами, что утратится грамотность и т.д. Если русский останется мировым языком, это вряд ли произойдет. С одной стороны, язык – это очень богатая сущность, и на смену одному поколению, слабее владеющему языком, обязательно придет поколение, которое будет владеть этим языком, точнее – своим вариантом того, нам не известного времени, лучше и внесет в него что-то новое, какие-то такие «исправления», которые сделали бы его менее понятным ушедшим поколениям. С другой стороны, язык – вещь таинственная. Он всегда больше, чем те отдельные сознания людей, которые им пользуются. Мы просто пользуемся им какое-то время, мы вошли в язык и мы говорим им и пишем на нем, видя, что, скажем, авторы XIX века писали намного лучше, чем сейчас – их язык гибче, сложнее, точнее выражает мысль, описывает вещь. Кажется, что вырубил вековой лес – вырос кустарник. Может быть, мы живем в эпоху кустарника, а потом, через 50 лет после нас, снова вырастет лес? Но это и абберация сознания, мыслительный эрратив, или ошибка, вызванная, может быть, культом архаики, который страшно живуч среди образованного сословия в России. А язык, новый язык, может вырасти и пересаженным в другие места, отдалившись от современного языка метрополии так, как французский или румынский отдалились от латинского языка Цицерона и Горация. Как сегодняшние выпускники школ только поверхностно понимают даже Пушкина или Гоголя, а взрослые уже и позабыли этих авторов, занятые, несомненно, более серьезными делами.

Григорьев В.П. [К четырехмерному пространству языка](#). (2000)

Гасан Гусейнов

доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ

[Все материалы автора](#)